

СЕРГЕЙ ВОЛОГОДСКИЙ

МЁРТВЫЕ ШЕДЕВРЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Вологодский
Мертвые шедевры

«Автор»

2026

Вологодский С. Н.

Мертвые шедевры / С. Н. Вологодский — «Автор», 2026

В сонном провинциальном Заречье проснулся маньяк. Он не просто убивает — он творит. Тела молодых девушек находят в людных местах: у пруда, на школьном стадионе, в лесу. Но это не просто жестокие преступления — это жуткие инсталляции. Каждая жертва застыла в позе, копирующей великие произведения искусства... Каждая смерть — это новый экспонат в его личной галерее ужаса. Олег Каплин, опытный оперативник из Москвы, сослан в глушь после конфликта с начальством. Вместе с местным капитаном Еленой Коркиной он начинает расследование вопреки приказам и бюрократии. Но убийца всегда на шаг впереди. Он знает их ходы, уничтожает улики и уже выбрал модель для своего финального, самого совершенного «шедевра». Сможет ли Каплин остановить художника смерти, пока не прозвучал последний аккорд этой симфонии ужаса? Мрачный полицейский триллер о цене искусства, цене жизни и о тех, кто готов заплатить любую цену за бессмертие. Иллюстрация создана в Chat GPT.

© Вологодский С. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Вологодский

Мертвые шедевры

Глава 1

Раннее утро застило парк сизой, прохладной дымкой. Маша и Коля брели по пустынной аллее, возвращаясь с ночной вечеринки на даче. От Маши пахло дымом костра, она с трудом передвигала ноги и зябко куталась в его куртку.

– Коля, как же я спать хочу, – прошептала она, положив голову ему на плечо. – И ноги отваливаются.

– Сейчас дойдем, – он обнял её, чувствуя, как девушка дрожит от утренней сырости. – Только давай больше на такие ночные марафоны не соглашаться. Я устал, а мне еще сегодня идти на игру вечером. Не пропадать же билетам.

– Неужели тебе не понравилось? – она посмотрела на него уставшими, покрасневшими глазами. – Шашлык был хороший, компания вроде ничего...

– Шашлык – да, – фыркнул Коля. – А вот слушать трёхчасовой спор о современном искусстве от Лёхи совсем не понравился. Всю ночь только тем и занимался, что отгонял от тебя назойливых ухажёров. Пока ты веселилась. Особенно тот рыжий парень не отходил от тебя ни на шаг, всё пытался вина подлить тебе.

Маша слабо улыбнулась, прикрывая зевок ладонью.

– Прости. Я думала, ты в плойку режешься. И вы найдете общий язык с парнями...

– Ну с кем-то нашел, – проворчал Коля. – А с этим рыжим пришлось отойти в сторону и объяснить ему, что у тебя есть парень...

Он потянулся за телефоном, чтобы посмотреть время, и вдруг резко остановился, всматриваясь в туман у пруда.

– Стой... Ты это видишь?

– Что? – Маша лениво подняла голову.

– Вон там, у воды. Что-то белеет. Эй, – крикнул он силуэту, – у вас все нормально?

Коля сделал несколько шагов вперёд, вглядываясь в белую фигуру. Туман у воды был гуще, и очертания медленно проступали из серой пелены. Он подошёл ближе к старому дубу и замер, дыхание перехватило.

К стволу дерева была привязана обнажённая девушка. Её тело, молочно-белое в утреннем свете, неестественно изгибалось: одна рука закинута за голову, словно пытаясь защититься от невидимой угрозы, другая беспомощно свисала. Голова была откинута назад, а на лице застыло выражение тихого страдания. Длинные тёмные волосы слипались на плечах, а всё тело покрывала роса, отчего кожа мертвенно блестела. Она не шевелилась – лишь смотрела в небо остекленевшими глазами.

– Не подходи! – прокричал Коля, резко оборачиваясь к Маше и взмахивая рукой. – Вызывай ментов! Быстро!

– Коля, что там? – испуганно протянула Маша, делая медленный шаг вперёд.

– Я сказал – стой там! – его голос сорвался на крик.

Видя, что Маша не реагирует на его слова, он достал телефон, пальцы дрожали. Набирая номер, он заметил у подножия дерева аккуратную стопку одежды: джинсы, свитер, нижнее бельё, сложенные ровно, как будто девушка сама сняла их и аккуратно положила перед тем, как прикоснуться к холодному стволу. Рядом стояли кроссовки, носки лежали внутри.

– Алло? Полиция? – наконец проговорил он в трубку, с трудом отрывая взгляд от этой странной экспозиции. – В центральном парке, у пруда... труп. Да, точно, без признаков жизни.

В этот момент Маша, послушавшись его, сделала еще несколько шагов вперед. Ее взгляд скользнул по бледному, застывшему телу, и лицо исказилось ужасом. Из горла вырвался короткий, сдавленный крик, больше похожий на стон.

Коля бросил телефон в карман и ринулся к ней, схватив за плечи и прижав к себе, заслоня собой жуткое зрелище.

– Не смотри, глупая, я же просил, – бормотал он, чувствуя, как она вся дрожит.

– Коль... – ее голос был глухим, задышающимся. Маша уткнулась лицом в его куртку. – Она мертва? Правда?

Коля лишь сильнее сжал её в объятиях, глядя пустым взглядом вверх головы.

– Да, – тихо и хрипло ответил он. – Мертва.

Маша снова глухо вскрикнула и разрыдалась, вцепившись пальцами в его куртку. Её рыдания были единственным звуком, нарушавшим зловещую тишину парка. Коля продолжал, молча держать её, не в силах отвести взгляд от неподвижной фигуры у дерева и этой жутко аккуратной стопки одежды. Воздух стал тяжёлым, давящим, и пение птиц внезапно прекратилось, будто и природа замерла в ожидании.

Сколько времени прошло, Коля не знал. Временами ему казалось, что с момента их находки прошло не больше двадцати минут, но часы на телефоне показывали, что уже почти час. Сначала приехали два экипажа ДПС, затем – наряд патрульно-постовой службы. Полицейские выставили посты и оттеснили редких утренних прохожих. Дежурный экипаж остался у въезда в парк, перекрыв его для посетителей.

Вскоре подъехала темная иномарка. Из нее вышел молодой, крепкий, русоволосый мужчина в простой темной куртке и джинсах. Его движения были быстрыми и уверенными. Он поговорил с одним из полицейских, а потом направился к Коле, который все это время сидел на скамейке, пытаясь успокоить трясущуюся от рыданий Машу.

– Оперуполномоченный, лейтенант Коромыслов, – представился он, открывая удостоверение с серебристым гербом. – Это вы обнаружили тело?

Коля уверенно кивнул.

– Расскажите всё по порядку, с самого начала, – попросил лейтенант, доставая блокнот.

Голос Коли был ровным и собранным, когда он начал объяснять:

– Мы возвращались с ночной вечеринки. В тумане у воды заметили что-то белое. Подошли ближе – увидели тело девушки у дерева. Одежда была аккуратно сложена рядом.

– Егор, что там? – раздался сзади новый, более низкий и собранный голос.

К ним подошла женщина. Высокая, подтянутая, с короткими темными волосами, уложенными в строгую прическу, и пронзительным, анализирующим взглядом. Ее темное пальто было расстегнуто.

– Ничего особенного, Лена, – Коромыслов кивнул в сторону Коли. – Шли с гулянки, увидели, подошли. Никого больше не видели и ничего подозрительного не слышали.

Старший лейтенант Елена Коркина медленно оглядела пару, затем перевела взгляд на место, где криминалисты уже фотографировали место преступления.

– Парня отдельно, девушку отдельно, – распорядилась она четким, поставленным голосом. – И узнай, кто отвечает за содержание этой территории. Нам потребуются записи с камер наблюдения, если они есть.

Она сделала шаг к Коле, и ее голос стал чуть мягче, хотя сохранял профессиональную дистанцию:

– С вами всё в порядке? Нужен медик?

– Нет, не надо, – четко ответил Коля, по-прежнему придерживая Машу.

– Хорошо. Тогда пройдите, – она указала на стоящую неподалеку служебную машину. – Нужно записать ваши официальные показания. Постарайтесь вспомнить каждую деталь. Егор, займись.

Лена подошла к криминалисту Спиридонову, который, стоя на одном колене, внимательно осматривал тело девушки. На нем были перчатки, а рядом лежал открытый чемоданчик с инструментами. Его движения были точными и выверенными.

– Что тут у нас? – спросила она, присев рядом.

– А у нас тут девушка. Молодая девушка, – не отрываясь от работы, ответил Спиридонов.

– Убита приблизительно сутки назад, но точнее скажу после вскрытия...

– А как? – не отступала Лена.

– Не торопи меня, Лен, всё расскажу, но... – Криминалист аккуратно пинцетом извлёк что-то с тела девушки и поместил в пробирку.

– После вскрытия, – продолжила она, понимая, что сейчас криминалист ничего определённого не скажет.

– Ты взрослая девушка, видишь, всё понимаешь, – Спиридонов, наконец, поднял на неё взгляд. – Документов при ней не обнаружено, поэтому кто она – узнавайте сами. Пока могу сказать, что явных признаков насильственной смерти не вижу. Ни ран, ни кровоподтёков. Во всяком случае, видимых нет.

Лена отошла к стопке одежды. Достала перчатки из чемодана криминалиста и начала методично ощупывать карманы. В кармане куртки нашла телефон. Экран был заблокирован. Она вернулась к телу, осторожно взяла кисть руки девушки и приложила палец к сканеру. Телефон разблокировался. Лена убрала пароль и начала просматривать содержимое. Ничего подозрительного: несколько недавних фотографий, переписка с подругами, стандартные приложения.

Лена отдала телефон криминалисту и направилась к участковому, который только что подошёл и стоял в растерянности, озираясь по сторонам. Молодой лейтенант, видимо, недавний выпускник училища, выглядел совершенно потерянным.

– И чего так долго? Где был? – строго спросила Лена, подходя к нему. – Осмотри жертву, знаешь её?

Участковый медленно приблизился к телу девушки. Его сразу заколотило, лицо побледнело, а руки задрожали – было видно, что он впервые сталкивается с трупом. Сделав несколько неуверенных шагов назад на ватных ногах, он отвернулся.

– Нет... Не знаю... – еле слышно пролепетал он, с трудом сглатывая.

– Соберись, – сухо сказала Лена, изучая его реакцию. – Если вспомнишь что-то – сразу ко мне. И узнай, кто из местных пропал за последние сутки. Опроси жителей ближайших домов. Фото возьми у Спиридонова.

– Кого?

– У криминалиста. Видишь, вот дяденька перед тобой на колене стоит. Так вот, он криминалист. Фото возьми у него и иди опрашивать.

Глава 2

Серый утренний туман окончательно рассеялся, уступив место бледному, но уже ошутимо теплому солнцу. Парк оживал. По асфальтовым дорожкам размеренно кружили мамы с колясками, по лавочках рассаживались пенсионеры. Только у пруда еще копошились люди в униформе. Тело уже увезли, но пятно пролитого антисептика на рыхлой земле под дубом четко обозначало место, где оно лежало.

Коркина и Коромыслов шли обратно по аллее, где утром бродили Коля с Машей.

– Нужно пробить телефон жертвы, – сказала Елена, не глядя на Егора. Её лицо было сосредоточенным, взгляд скользил по обочинам, цепляясь за кусты, урны, сколы на асфальте. – Посмотри все последние звонки, всех абонентов за последние двое суток. Проверь соцсети, если есть выход с телефона. Я так мельком взглянула, но ничего такого не нашла...

– Принято, – кивнул Коромыслов, на ходу тыкая пальцем в экран своего смартфона. – Сейчас Лариске напишу, что задерживаюсь. А то она переживать будет. Она у меня такая.

– В прошлый раз вроде была Настя или мне показалось?

– Была. Но той только тусовки подавай, а мне уже хочется семейного очага.

– Ой! Надолго ли? Ты вчера пришел на работу с похмелья. Очага ему захотелось. Рассмешил, так рассмешил.

– Ну, вот такой я. Проснулся и понял, что мне нужно другое, – Егор оторвал взгляд от экрана. – Лен, а почему именно в такой позе? Что она означает?

Коркина резко остановилась и посмотрела на него. В её глазах мелькнуло что-то тяжелое, похожее на догадку, но тут же погасло, спрятавшись за профессиональной сдержанностью.

– Знаешь, что нужно. Нужно поднять все дела по области с похожими трупами. Вдруг уже такие появлялись где-то. Убийство ведь не бытовое, а значит, может быть не единственным...

Она резко остановилась.

– Я думаю, нам бы сообщили об этом, – Егор тоже встал как вкопанный.

На следующий день запах кофе в кабинете криминалистики перебивал сладковатый химический запах реактивов. Спиридонов сидел за столом, уставленным пробирками и бумагами, и шурился на экран компьютера. Он не пил кофе. Он просто сидел, откинувшись на спинку стула, и выглядел усталым.

Коркина вошла без стука.

– Олег Степанович. Высылал отчет? Я не видела.

– Сейчас, – он не обернулся, пощелкал мышкой. – Отправляю. Но основные выводы могу озвучить уже сейчас.

Лена прикрыла дверь и прислонилась к косяку, скрестив руки.

– Я слушаю.

– Время смерти: промежуток между 21:00 и 23:00 два дня назад. Содержимое желудка – остатки пищи, принятой примерно за три-четыре часа до смерти. Но там нет ничего неестественного.

– И причина? – спросила Коркина, хотя уловила что-то в его интонации.

Спиридонов медленно развернул к ней кресло. Лицо его было бесстрастным.

– Острая сердечная недостаточность, вызванная введением сукцинилхолина. Он же дитилин. Нервно-мышечный блокатор. В той дозе, что получила девушка, вызывает полный паралич дыхательной мускулатуры и миокарда. Смерть от удушья и остановки сердца наступает в течение нескольких минут. Без шума, Лена. Без возможности даже пальцем пошевелить...

Криминалист говорил ровно, без интонаций, как зачитывал бы протокол. Эта мертвенная сухость заставляла информацию звучать еще страшнее.

– Поэтому она не сопротивлялась, – констатировала Коркина, не отрывая от него взгляда.

– Не могла. Есть след инъекции в левой ягодице. Я еле его увидел. Но могу сказать от себя, что этот человек, который либо очень часто и много делал уколы, то есть ухаживал за кем-то, либо он медик с доступом к сильнодействующим препаратам.

– Отпечатки есть?

– Только её. На телефоне, на одежде. На веревке, которой было привязано тело, и на коре дерева – ничего. Работали в перчатках. Всё сделано очень аккуратно.

Спиридонов сделал паузу, глядя на Коркину поверх очков.

– Одежду сложили аккуратно. Без эмоций, без суеты, он никуда не спешил и ничего не боялся. Спокойный, уверенный в себе тип. Больше мне добавить нечего.

Коркина молча, кивнула. У неё в голове, уже складывался пазл. «Дитилин. Педант. Медик».

– Полный отчёт с заключением Звягинцева будет сегодня к вечеру, – добавил Спиридонов, возвращаясь к монитору. – Токсикология, гистология – всё по высшему разряду. Как только что-то новое всплывет – позвоню лично.

– Спасибо, – коротко кивнула Лена и вышла, оставив его в кабинете, наполненном тишиной и запахами чужой смерти.

Кабинет начальника РУВД пахло дорогим деревянным лаком, свежей полировкой и скрытым напряжением. Андрей Анатольевич Тулайкин, крепкий мужчина с короткой седеющей щеткой волос и лицом, привыкшим командовать, не сидел за столом. Он ходил взад-вперед от окна к двери, сжимая в руке отчет Коркиной.

Коркина сидела в кресле напротив его пустующего стола, спиной идеально прямо. Её взгляд был опущен, изучал узор на полированной деревянной столешнице – смотрел, но не видел.

– Первое, – он ударил ладонью по стопке бумаг, остановившись напротив неё. – Первое такое зверское преступление на моей памяти! А я тут, можно сказать, сторожил, Лена! Служу в этих погонах с тех пор, как ты в школе училась!.. Мэр уже звонил. Виктор Петрович Рязанов интересуется и взял дело под свой, так сказать, личный контроль. Ждет результатов. А результаты, как я понимаю, пока нулевые?

Коркина, не поднимая глаз от стола, отвечала четко и монотонно, будто зачитывала доклад:

– Личность жертвы устанавливаем. В телефоне явных контактов родственников не обнаружено. Работаем по спискам пропавших. У нас город маленький, должны найти быстро. Камеры наблюдения в парке отсутствуют, на прилегающих улицах – проверяем.

Тулайкин тяжело вздохнул и, наконец, опустил в свое кожаное кресло. Звук был громким в тишине кабинета.

– А зацепки есть?

– Пока нет, Андрей Анатольевич. Работа ведется.

– Мне результаты нужны! Результаты. Мэр требует докладывать каждые три часа. А я ему как попугай буду талдычить: работа ведется, – последними двумя словами он передразнил Коркину.

– Если бы тогда наш многоуважаемый мэр поставил там камеры, а не на улице, которой живет, тогда, может быть, и были зацепки...

– Нужно работать, а не языком болтать тут и искать виноватых! И если там поставили камеры, значит, там они нужнее...

В кабинете повисла короткая пауза. Её нарушила Коркина. Она всё так же смотрела в стол, но в её голосе, ровном и низком, прорвалась усталая, сдержанная горечь:

– У меня в отделе оперов, если вы помните, Андрей Анатольевич, я и Коромыслов. Два человека. Плюс участковый, который с трупом впервые столкнулся. Плюс текучка: кражи, хулиганки, семейные дебоши. Когда, простите, всё это расследовать?

Тулайкин откинулся на спинку кресла, сложив руки на животе.

– Текучку перераспределим. Участковых подключим к рутинным опросам, пусть работают тоже. А это, Лена, – он ткнул пальцем в отчет, – теперь дело номер один. Приоритет. А насчет кадров... Я бьюсь, как рыба об лёд, чтобы нам доукомплектовать отделение. Знаю, что вы там вдвоем на район работаете. Но пока – терпи. Мобилизуй все, что есть. Все.

Его тон не оставлял пространства для дискуссий.

– Ясно, – сухо сказала Коркина. – Разрешите идти?

– Иди. И чтобы завтра у меня на столе было хоть какое-то движение.

Вернувшись в свой кабинет после разговора с Тулайкиным, Коромыслов, молча, швырнул папку на стол.

– Ну и день начинается, – проворчал он, снимая куртку. – Не успел придти на службу, а уже навтыкали полную жопу помидоров.

Коркина молча села за свой компьютер, лицо было каменной маской усталости.

– Скоро этих помидоров будет столько, что можно будет закатки готовить на зиму!

– А у меня есть одна идея, – вдруг сказал Егор, уже стоя в дверях. Он поймал её вопрошительный взгляд. – Может, и бредовая. Но надо проверить. Отпустишь на пару часов?

Лена секунду смотрела на него, оценивая. Потом кивнула, не спрашивая деталей.

– Иди. Только чтобы к вечеру был здесь с результатами. Какими бы они ни были. И про соцсети не забудь!

– Я ползал весь вечер по соцсетям, но поиск по лицу ничего не дал...

– Так у Спиридонова возьми ее телефон. Я блокировку сняла с него. Может, там есть выход на соцсети?

Егор кивнул и молча, вышел из кабинета.

Колледж искусств располагался в старом, но ухоженном двухэтажном здании из красного кирпича. Коромыслова встретил сам директор, Дмитрий Рогожкин, мужчина лет пятидесяти с мягкими, немного растерянными манерами и очками в тонкой оправе. Он отвел лейтенанта в свой кабинет, заваленный папками и репродукциями.

– Ужасная история, просто ужасная, – бормотал он, предлагая Егору стул. – В нашем тихом городе... Да вы же понимаете, у нас тут творческая атмосфера, молодежь...

– Понимаю, – кивнул Коромыслов, доставая планшет. – Вам нужно посмотреть на фотографию. Предупреждаю, изображение неприятное.

Он показал на экране снимок, сделанный криминалистами: тело у дерева, но с четко видимой позой и лицом жертвы.

Рогожкин побледнел, отвел взгляд, потом снова, уже через силу, посмотрел. Его брови поползли вверх.

– Это... Это же...

– Вы её узнаете? – быстро спросил Егор.

– Нет-нет... Я не знаю эту девушку, но вот поза... – Директор вскочил, подошёл к книжному шкафу и начал лихорадочно листать толстые альбомы. – Я где-то... Да! Вот!

Он достал большую книгу «Шедевры мировой скульптуры», быстро пролистал её и положил перед Коромысловым, тыча пальцем в страницу.

На глянцевого бумаге была черно-белая фотография мраморной скульптуры: юноша в мучительном, но прекрасном изгибе, одна рука закинута за голову, тело напряжено в последнем усилии.

– «Умирающий раб», – прочитал вслух Рогожкин. – Микеланджело. Видите? Поза... Она почти идентична.

Коромыслов, молча, сравнивал фотографии. Холодная волна пробежала по спине. Директор был прав. Это была не случайность. Это была подлинная копия, но уже сделанная не из камня, а из тела человека.

– Можно сфотографировать? – тихо спросил он.

– Конечно, конечно... А вам это поможет? – растерянно прошептал Рогожкин.

Но Егор уже не слушал. Он сделал несколько снимков страницы, поблагодарил и вышел, оставив директора в кабинете с открытым ртом и открытой книгой.

– Лена, ты не поверишь, – Коромыслов влетел в их общий кабинет, скинул куртку на стул. Лицо его было возбужденным. – Ты обратила внимание на позу?

Коркина, сидевшая за компьютером и изучавшая базу пропавших, подняла на него глаза.

– Говори.

– Я был в колледже искусств. Показал фото Рогожкину. Смотри, что он нашёл в книге. – Егор сунул перед ней свой телефон с фотографией скульптуры. – Это не просто так тело было оставлено. Это... скульптура «Умиравший раб». Микеланджело. Пятнадцатый век, вроде бы.

Коркина внимательно посмотрела на снимок, потом перевела взгляд на экран своего компьютера, где в углу висела та самая, жуткая фотография с места преступления. Её лицо стало каменным.

– Черт, – выдохнула она. – Значит, это не просто убийство маньяка. Этот урод что-то пытается нам сказать. Но что?

– Не знаю, – Коромыслов провел рукой по лицу. Внезапная эйфория от находки сменилась тяжелой усталостью. – Ладно... Мне надо домой. Ты со мной?

– Нет, – отрезала Коркина, уже снова глядя в монитор. – У меня ещё дела есть. Фото скульптуры скинь мне на почту.

– Как знаешь, но только долго не сиди.

Егор вышел, притворив за собой дверь.

Коркина откинулась на спинку стула. Щелчком мыши она развернула на весь экран фотографию тела жертвы у дуба. Рядом присланную фотографию скульптуры, где в мраморном страдании застыл «Умиравший раб».

Она переводила взгляд с одного изображения на другое. С художественного шедевра – на мёртвый, бездушный его слепок.

Глава 3

Раннее летнее утро было светлым и тихим. Москва ещё не проснулась до конца, лишь где-то вдалеке гудел мусоровоз, да изредка пронеслось такси. Олег Каплин двигался по практически безлюдным улицам, и в салоне его тёмно-серого «Форд Фокуса» царилась ощутимая тишина. Её нарушал только хриплый, нарочито брутальный голос из динамиков – лилась песня «Туман» «Сектора Газа». Он слушал её – этот хриплый, нарочито грубый голос, знакомый до каждой хрипотцы, – и с годами это стало ритуалом. Привычкой. Он любил «Сектор Газа» ещё со школы, с тех пор, когда бунт был простым и понятным, а музыка казалась единственно честной на свете. Сейчас она уже не будила в нём того старого задора. Она просто заполняла пустоту.

Олег припарковался на заднем дворе управления. Заглушил двигатель. На несколько секунд в салоне воцарилась абсолютная тишина. Он потянулся за кожаной папкой, и в этот момент заметил знакомые лица у входа. Коллеги. Один, выходя из «Ниссана», увидел его, сделал вид, что поправляет лёгкую куртку, и резко отвернулся. Другая пара, стоявшая у двери с утренними кофе, замолкла и проводила его слишком пристальным, оценивающим взглядом. Осторожным. Как смотрят на вещь, которая вот-вот станет проблемной. Никто не кивнул. Никто не подошёл. Эта натянутая пауза, это молчаливое отступление были красноречивее любого разговора.

Длинный, вылинявший от времени коридор управления казался сегодня особенно безлюдным и гулким. Закрытые двери по бокам напоминали глухие шкафы, где хранятся чужие секреты и карьеры. Шаги Каплина отдавались эхом. Его не торопили – на проходной пропустили без задержки, лишь мельком взглянув на удостоверение. Движение было гладким, без трения, как по конвейеру, ведущему в тупик.

Секретарь полковника, обычно невозмутимая и профессиональноотстранённая женщина за сорок, на этот раз подняла на него глаза. В её взгляде мелькнула быстрая, почти неуловимая искра сочувствия. И тут же – смущение, будто она поймала себя на чём-то запретном. Женщина быстро опустила взгляд к бумагам.

– Проходите, Олег Викторович. Полковник вас ждёт.

Этого сочувствия, крошечного, профессионального сбоя, было достаточно. Каплин понял: разговор будет нерабочий. Скорее всего, личный.

Пауза перед тяжёлой дверью кабинета затянулась. Он взялся за ручку, но сразу не открыл. Никто не крикнул «входи!». Это была та тишина, в которой уже всё решено, и теперь осталось лишь озвучить приговор. Он глубоко, почти неслышно вздохнул и вошёл.

Кабинет был просторным, без пафоса. Полковник Пирогов сидел за массивным, но старым столом, заваленным бумагами. На подоконнике стояла чахлая герань, а через открытую форточку врывался запах нагретого асфальта и городской пыли. Прямо перед ним, чуть сбоку, лежала одна-единственная тонкая папка из синего картона.

Пирогов не поднял головы сразу, дав Каплину дойти до стола. Потом медленно оторвался от документа и посмотрел на него. Взгляд был не злой, не обвиняющий, а просто усталый. Усталый от необходимости делать то, что сейчас предстояло.

– Садись, – сказал он, предлагая жестом.

Каплин сел. Спина сама собой выпрямилась, приняла привычную служебную форму.

Пирогов откинулся в кресле, сложив руки на животе. Секунду молчал, изучая подчинённого. Первый вопрос прозвучал коротко, обрубком, без предисловий:

– Ты понимаешь, что сделал?

Голос был ровным, без повышения тона.

Каплин отвечал так же, глядя полковнику прямо в глаза:

– Да.

Больше пояснений не требовалось. Не требовалось оправдывать тот самодеятельный штурм клуба «Z», который он и Черкасов провернули, точно зная, что там творилось. Знали, но не могли доказать. Операция дала «слишком ранний» результат – они вынесли оттуда девушек, но Новожилов сбежал. А задержать его «законно», с уликами в руках, уже не получалось. Не требовалось объяснять, почему два опера, действуя вразрез с любым планом, пошли на принцип и остались с пустыми руками. Они оба всё понимали. Роберт Новожилов был не просто подозреваемым. Он был организатором целой системы.

Полковник не стал обвинять дальше. Не стал и оправдывать. Он заговорил об общих, почти абстрактных вещах, глядя куда-то мимо Каплина, в стену.

– У любой работы есть границы, Олег. Не те, что в уставе прописаны. Другие. И за эти границы выходить – себе дороже. Последствия бывают разными. Вот если бы ты тогда подождал, дал оступиться Новожилову, совершить ошибку...

Он сделал паузу, перевёл взгляд обратно.

– Теперь некоторые люди... решили, что ты стал проблемой. И тебе надо исчезнуть... Понял?

Каплин молча кивнул. Имена не звучали. Они и так висели в воздухе кабинета.

– Тебе придётся уйти, – констатировал Пирогов, и в его голосе впервые прозвучала нечто вроде сожаления. – Штурм был... не по правилам. Новожилов – чист, по крайней мере, на бумаге. А ты натворил дел прошлой ночью... Сейчас на тебя будет открыта охота.

Каплин не оправдывался. Не спорил. Он сидел неподвижно, глядя на тонкую синюю папку. Спор здесь был бессмысленен. Это был не суд, а приведение в исполнение уже вынесенного вердикта.

Полковник молча, одним движением пальца, пододвинул папку через стол.

Каплин открыл её. Внутри – несколько листов. Приказ о временном переводе. Ходатайство. Сухие, казённые формулировки: «В интересах службы...», «Для передачи опыта работы...». И название – небольшой город Заречье, которого он на карте с ходу и не нашёл бы.

– Просто отработаешь там пару лет, – голос Пирогова стал будничным, деловым, будто они обсуждали командировку. – Пока всё не уляжется, не забудется. А потом вернёшься. На другое место, может. Но вернёшься.

Он замолчал, давая словам осесть. Потом добавил, уже тише, почти конфиденциально:

– Там спокойнее, Олег. Иногда это полезно – собраться с мыслями. Отдохнуть от... всего этого. – Он неопределённо махнул рукой, будто указывая на весь город за окном и на всю систему, в ней заключённую. – Ты же понимаешь, что если останешься здесь... Тебе просто не дадут жизни. За Новожиловым стоят очень серьёзные люди. Сейчас решают – открывать на тебя дело или нет. Этот перевод... это не наказание. Это возможность уйти красиво. Сохранить погоны.

Каплин взял ручку, которую молча протянул полковник. Пластик был холодным и скользким. Он подписал документы в отмеченных местах. Звук скрипевшего по бумаге стержня казался в тишине кабинета невероятно громким, царапающим.

На выходе, когда Олег уже взялся за ручку двери, полковник сказал ему в спину, не повышая голоса:

– Олег. Живи там аккуратно. Не высовывайся. Как только всё уляжется – я тебя оттуда вытащу. Обещаю.

Каплин не обернулся. Просто кивнул, больше для себя, и вышел.

Москва за стенами управления уже полностью проснулась и гудела, как огромный, равнодушный механизм. Грохот машин, голоса, шум стройки где-то неподалёку – всё это жило своей жизнью, стремительной и неостановимой. Он вышел на улицу и остановился, впервые за

сегодня позволив себе просто постоять. Папка с переводом была невесомой в руке, но давила тяжестью. Солнце уже припекало спину, нагревая темную ткань пиджака.

Он смотрел на поток машин, на спешащих людей в легкой одежде, на знакомые очертания зданий, под которыми лежали тени. И вдруг с непреложной ясностью понял: этот город уже не его. Он не изгнанник, не беженец. Он – смещённая деталь. Та, которую временно убрали с игрового поля, чтобы механизм продолжал работать без сбоев.

Олег сунул папку под мышку, достал ключи от «Фокуса». Надо было ехать домой, собирать вещи. Готовить переноску для Маркиза. Город шумел вокруг, не замечая его.

Глава 4

Заречье встретило его молчаливым, влажным туманом. Он подъехал к городу на рассвете, и первые лучи солнца, пробиваясь сквозь пелену, освещали не спешащий городок, а тихие, пустынные улицы со старыми двухэтажными домами, чьи штукатуренные фасады местами облупились, обнажив кирпичную кладку. Скрип несмазанных качелей на детской площадке, редкие огни в окнах, далёкий лай собаки – вот и вся симфония. Воздух пахнет сырой землёй, рекой и дымком из печных труб. Но Каплину эта пастораль не приносила покоя. В тишине гудело тревожное одиночество, чувство полной отрезанности от привычного ритма и смыслов. Он был здесь чужим, и город словно выжидающе молчал, наблюдая за ним из-за занавесок.

РУВД располагалось в таком же невысоком, но ухоженном здании из красного кирпича. На парковке рядом со служебными «Ладами» и «Рено» его темно-серый «Фокус» смотрелся чужеродно. Маркиз в переноске на пассажирском сиденье тихо урчал, выражая глухое недовольство.

В кабинете начальника уже было накурено, несмотря на ранний час. Андрей Анатольевич Тулайкин стоял у окна, а напротив, у стола, – знакомые по фото из личного дела лица: капитан Коркина и лейтенант Коромыслов. В воздухе висела усталая напряжённость невыспавшихся людей.

– Ну вот и наш московский гость, – Тулайкин обернулся, широко, но без особой теплоты улыбнулся. – Олег Викторович, знакомься. Капитан Коркина Елена Сергеевна, мой заместитель и голова нашего оперативного отдела. Лена, вот, как ты и просила, – добавил он с оттенком иронии, – подкрепление. Тебе ещё один опер. Капитан Каплин. Перевелся к нам напрямик из столицы. Думали, у нас тут тишь да гладь, ан нет. Ну что, капитан, сразу в окопы?

Елена оценивающе кивнула Каплину. В её взгляде читался не интерес, а скорее профессиональная оценка нового ресурса, степень полезности которого ещё предстояло выяснить.

– Каплин, можно просто Олег, – коротко представился Олег.

– Коркина, можно просто Лена, – так же коротко ответила она. – Введу в курс дела.

Пойдёмте.

– У меня еще кот...

Тулайкин махнул рукой, отпуская их.

– Да-да, работайте. Олег Викторович, кот ваш пока в моём кабинете побудет, потом забереёте. Я котов люблю. У вас есть еда для него?

– Нет, думал тут прикуплю.

– Я всё куплю... Работайте.

Каплин лишь молча кивнул и последовал за Коркиной в оперативную. Комната была небольшой, с двумя сдвинутыми столами, заваленными папками. Окно выходило на задний двор.

– Это теперь ваш, – Елена показала на свободный стол напротив её рабочего места. Она села, достала из сейфа тонкую, но уже сформированную папку. – Вот дело, но вкратце... Два дня назад рано утром в центральном парке, у пруда, обнаружено тело девушки. Личность установлена – Лидия Соколова, двадцать лет, студентка местного колледжа искусств, подрабатывала официанткой. Умерла за сутки до обнаружения.

Она протянула ему фотографии. Каплин взял их, отодвинув мысленно всё лишнее. Его взгляд скользнул по снимкам места: жутковатая, неестественная поза, аккуратно сложенная рядом одежда. Потом – фото самой Лидии из соцсетей: улыбчивая, живая.

– Причина? – спросил он, не отрываясь от фотографий.

– Предварительно – отравление нервно-мышечным блокатором. Сукцинилхолин. Ввели инъекционно. Детали – в отчёте криминалиста.

В дверь заглянул Коромыслов.

– Лена, ты звонила? О, – увидел Каплина, – здравствуйте.

– Здравия желаю, – кивнул Каплин.

– Егор, это наш новый сотрудник. Капитан Каплин, перевелся из Москвы, чтобы поделиться опытом работы. Дай Олегу общую картину, – распорядилась Коркина.

Коромыслов вошёл, облокотился на шкаф.

– Картина, товарищ капитан, одна большая жопа. Свидетелей – ноль. На месте – только отпечатки жертвы. Подняли все возможные базы – похожих дел в области, да и в соседних, за последние десять лет нет. Мотив неясен. Девушка не связана с криминалом, конфликтов серьёзных не имела. Через соцсети установили личность. Она детдомовская, родственников нет. На опознание была воспитатель. Вроде больше ничего такого. Этот убийца... – он искал слово.

– Педантичный, – тихо закончил Каплин, всё ещё изучая позу тела на фото.

– Именно, – подтвердил Коромыслов, с лёгким удивлением посмотрев на него. – И ещё одна деталь. Поза. Она неслучайна. Похожа на скульптуру. «Умиравший раб» Микеланджело.

Каплин медленно поднял на него глаза, затем перевёл взгляд на Коркину. В его взгляде не было удивления, лишь холодное, сосредоточенное внимание.

– Интересно, – произнёс он наконец. Но больше ничего не предложил, не стал строить догадок. Просто отложил фотографии. – На месте я ещё не был.

– Хорошо, поедем, только там парк многолюдный, поэтому все следы давно затоптаны, – сказала Коркина, вставая. – Егор, продолжай копать её окружение, связи. И проверь, наконец, те камеры с соседних улиц.

Парк в дневном свете выглядел безмятежно и совершенно обыденно. Туман рассеялся, оставив на траве бисер росы.

Каплин молча шёл за Коркиной к знаменитому дубу. Он не спешил подходить к самому месту, остановившись в десяти шагах. Взял в руки отчёт патруля, сверил описание с местностью.

– Подъезд? – спросил он, окидывая взглядом аллеи.

– Только одна асфальтированная дорожка, – Елена показала рукой. – Вон там, за детской площадкой. Упирается в небольшой хозяйственный въезд. Он мог подъехать, но это рискованно – даже ночью могли заметить.

– Нести на руках через весь парк – ещё рискованнее, – заметил Каплин. – И слишком физически сложно для одного человека с телом взрослой девушки, даже если она была без сознания.

– Следов колёс на грунтовых дорожках практически нет, погода стояла сухая. А те, что сняли с асфальта у въезда, – самый распространённый протектор. Вряд ли что даст.

Каплин кивнул и, не сказав больше ни слова, пошёл не к дубу, а обратно, в сторону въезда. Коркина, слегка удивлённая, последовала за ним. Он двигался неспешно, его взгляд скользил по краям дорожки, зарослям кустов, стволам деревьев.

– Здесь, – вдруг сказала она, обгоняя его и показывая на развилку. – Если сворачивать с основной аллеи сюда, можно подъехать почти к самой лужайке. Но это грунтовка, для легковушки не очень.

Каплин свернул на указанную тропинку. Она действительно вела ближе к пруду, упираясь в старое, полуразвалившееся ограждение парка. Он остановился, огляделся.

– Камеры? – спросил он.

– Должны быть на фонарном столбе на выезде, – Коркина указала на ржавый столб с пустующим кронштейном. – Не работают с прошлой осени. Заявку подавали, но, видимо, не дошла очередь.

Каплин медленно повернулся на 360 градусов. Его взгляд остановился не на парке, а за его оградой. Там, через узкий переулок, начиналась обычная городская застройка. И на углу ближайшего дома, в пятнах от дождя и пыли, тускло светился голубой экран банкомата.

– Банкомат, – произнёс он просто.

Елена проследила за его взглядом. На её лице мелькнуло понимание, смешанное с досадой на собственную недогадливость.

– Да. Точно банкомат, но вряд ли что получится увидеть, камера узкая, да и до сюда далеко, но попробуем. – Она уже доставала телефон. – Егор? Бери машину и езжай на улицу Парковую, дом 15. Там банкомат «Колхозбанка». Нужна вся запись за вечер и ночь убийства. Да, именно оттуда мог быть виден въезд.

Она положила трубку. Каплин стоял, глядя на тусклый экран банкомата через решётку парка. Первая, тонкая ниточка. Не улика, даже не след. Всего лишь возможность. Но в этой тихой, застывшей воде безмолвного города даже такая возможность казалась прорывом.

– Поедем обратно, – сказала Коркина. В её голосе появилась едва уловимая деловитость. – Посмотрим, что Егор найдёт. А вам, капитан, надо будет заселиться пока в служебную квартиру. Я покажу.

Каплин кивнул.

– Только вначале в отделение за Маркизом, и еще можно дело взять с собой для подробного ознакомления?

– Да, конечно, возьмите.

– И, Лен, давайте на ты.

Глава 5

Машина Каплина остановилась у типовой пятиэтажки на окраине Заречья. Дом был серым, с облупившейся краской на подоконниках, но относительно целым. Лена вышла из «Фокуса» и направилась к облезлой двери подъезда.

– Пойдём, я покажу.

Каплин взял из машины спортивную сумку и переноску с недовольно урчащим Маркизом и последовал за ней.

Подъезд пах сыростью, пылью и дешёвым дезодорантом. Лампочка на лестничной площадке второго этажа мигала, отбрасывая нервные тени. Под ногами хрустела рассыпанная какая-то крупа.

Коркина остановилась у деревянной двери, покрытой пятнами от многочисленных перекрашиваний, и протянула ему ключ.

– Вот ключ. Вот квартира.

Она отступила на шаг, дав ему открыть дверь.

Квартира оказалась однокомнатной, стерильно-пустой и пропахшей старостью, хлоркой и пылью. Обои в мелкий цветочек, потрескавшийся линолеум, в углу – железная кровать с сомнительным матрасом. Каплин швырнул спортивную сумку на пол возле прихожей, щёлкнул замком переноски. Оттуда неспешно, с видом заправского аристократа, вышел серый вислоухий кот, осмотрелся с явным презрением и тут же скрылся под кроватью.

Лена, стоя на пороге, не стала заходить дальше.

– Холодильник пуст, не успели закупиться, – сказала она, глядя куда-то мимо него, в окно. – Но магазин тут за углом. «Продукты», работает до одиннадцати. Машина у вас... не сильно похожа на московскую, – заметила Лена без особой интонации.

Каплин, разминая затекшую от долгой дороги шею, ответил так же ровно:

– Просто взятки не беру. На новую не хватило.

Уголок рта Коркиной дрогнул – не то чтобы улыбка, просто мышца дёрнулась.

– Честная позиция, – кивнула она. Затем достала из кармана блокнот, быстро что-то написала на листке, оторвала и положила его на единственную тумбу в прихожей. – Мой мобильный. Если что – звони.

Она задержалась у двери на секунду, глядя на него уже более пристально, взвешивая.

– Звони в любое время. Дня и ночи. Я всё равно... долго не ложусь спать... Из-за ребенка. – В её голосе не было жалобы, лишь простая констатация факта, как у Спиридонова.

– Понятно, – Каплин кивнул, кинув взгляд на листок. – Ребёнок маленький?

– Сын. Пятнадцать уже, – сказала она, и её лицо на мгновение смягчилось, но тут же снова стало каменным. – Так что долго не засыпаю по привычке. Обживайтесь. Завтра к девяти в отделе.

Лена развернулась и вышла, не закрывая за собой дверь до конца.

Каплин постоял секунду в тишине, прислушиваясь к урчанию водопровода в стенах. Потом тоже вышел, прихлопнув дверь, и быстрым шагом догнал Коркину на лестничной площадке.

– До магазина дойду, раз уж за угол, – пояснил он, не глядя на неё.

Они шли по темнеющим улицам молча. Фонари зажигались редкими островками света, и от этого тени между домами казались ещё глубже. У небольшого магазина с потрескавшейся вывеской «Продукты» Коркина остановилась.

– Мне налево. Тебе сюда.

Каплин взглянул на неё. Усталое, строгое лицо при свете витрины казалось вырезанным из камня.

– Может, посидим? – предложил он нейтрально. – Обсудим дело. Свежий взгляд. Она покачала головой.

– Некогда. Сын ждёт. Завтра утром всё подробно. Завтра.

– Хорошо, – кивнул Каплин. – До завтра.

Олег зашёл в магазин. Он набрал тёмного пива в бутылках, три штуки, потом долго изучал полку с кормом для кошек. Дорогого, к которому привык Маркиз, не было. Взяв самый дорогой из имеющихся – с тусклой картинкой довольного кота на фоне рыб, – он добавил в корзину буханку хлеба, палку сырокопчёной колбасы, майонез в мягкой упаковке и пакет солёного арахиса.

Вернувшись, капитан нашёл Маркиза сидящим посреди комнаты с выражением глубокой обиды. Каплин развернул пакет, достал корм. Чистой тарелки не нашлось, пришлось вымыть одну из пыльных кухонных. Насыпал гранулы. Рядом поставил неглубокую чашку, наполнил её водой из-под крана.

– Ешь, аристократ, – сказал он, ставя угощение на пол.

Маркиз важно подошёл, обнюхал, отступил и сел, уставив на хозяина немой укоряющий взгляд своих янтарных глаз.

– Другого нет, – тихо, но твёрдо сказал Каплин, опускаясь на корточки перед котом. – В этой дыре – нет. И нам тут жить. Минимум два года. По крайней мере, так говорят. Так что привыкай к этой еде. А я попробую чуть позже узнать, где есть нормальный корм. Пока только этот.

Он встал, прошёл в комнату, на столе разложил фотографии, прихваченные из отдела. Тело у дуба. Крупный план позы. Стопка одежды. И – рядом, на экране своего телефона, – репродукция «Умиряющего раба». Он открыл первую бутылку пива. Горький, холодный глоток обжёг горло.

Маркиз, поняв, что ужин улучшаться не будет, с глубоким вздохом подошёл к тарелке и начал есть.

– Ну что, коллега, – обратился Каплин к коту, глядя на фотографии. – Экспозиция. Чистая экспозиция. Не просто убил – выставил напоказ. Хотел, чтобы все увидели его творение. Классическая отсылка. Скульптурная композиция, а не труп. Поза была выбрана явно не случайно, это что-то должно означать, но вот что – неизвестно.

Кот жевал, лишь шевеля ушами, что в исполнении Маркиза было знаком предельного внимания.

– Это не бытовуха, не месть, не страсть, – продолжал Каплин, делая ещё глоток. – Это – сообщение. Послание, свёрнуто в один образ. Значит, трясти надо. Школа искусств. Колледж. Он оттуда. Учился, преподаёт, фанатеет... Или всё крутится вокруг этого места. Нужны все дела. Все люди. Все скелеты в шкафах за последние... лет десять, не меньше.

Олег допил первую бутылку, поставил её на пол. Взял со стола листок с номером Коркиной. Большой палец завис над кнопкой вызова на своём телефоне. Он взглянул на время на экране – 22:47. Почти одиннадцать.

Он вспомнил её усталое лицо в свете витрины. Каплин опустил телефон. Не стал звонить. Вместо этого медленно собрал фотографии в стопку, аккуратно, бережно, как собирают осколки чего-то очень хрупкого. Поставил вторую бутылку пива, открыл её. Звук шипения янтарного напитка был громким в тишине чужой квартиры.

За окном, в чёрном небе над Заречьем, ни одного знакомого созвездия. Только глухая, непроглядная тьма. Надо допить пиво и ложиться спать. Завтра тяжёлый рабочий день. Олег кинул взгляд на кота, который сидел возле пустой миски и мыл свою мордочку.

– Ну что, аристократ, понравилось? Правильно, на безрыбье и рак рыба!

Глава 6

Утро в отделении начиналось без спешки, но с тем особым напряжением, которое бывает только после бессонных ночей. В коридоре пахло дешёвым кофе и бумагой, кто-то ругался по телефону с дежурной частью, где-то хлопнула дверь сейфа. Кабинет оперов ещё не успел прогреться, окна были приоткрыты, и с улицы тянуло прохладой.

Егор вошёл в кабинет, держа в руке маленькую чёрную флешку.

– Вот, нарыл, – сказал он, бросая её на стол Лене. – Видео с банкомата. Всё, что удалось выжать. Камера слабая, угол дурацкий, но что есть, то есть.

Лена молча вставила флешку в системник, щёлкнула мышью. На экране появилось зернистое чёрно-белое видео. Пустая улица, редкие прохожие, потом тишина. Минуты тянулись скучно, почти ничего не происходило.

И вдруг, ближе к полуночи, по краю кадра медленно проплыл тёмный силуэт машины.

– Стоп, – тихо сказала Лена и отмотала назад.

Тёмный седан. Без фар, только габариты. Он проехал вдоль парка, исчез за углом, и всё. Картинка снова стала пустой.

– Время совпадает, – Егор ткнул пальцем в тайм-код. – Как раз тот промежуток, когда она уже была мертва.

– Других машин нет? – спросил Каплин, стоя за их спинами.

– Вообще ни одной. Я всё просмотрел. Только эта.

Лена увеличила изображение, но зерно расползлось ещё сильнее. Номеров не видно, марка угадывается разве что по силуэту.

– Ну хоть что-то, – пробормотала она. – Тёмный седан. Полстраны на таких ездит.

Каплин отступил на шаг, облокотился на подоконник.

– А нам полстраны и не надо. Только те, что ездят в вашем... в нашем городе. Значит так. Копаем в двух направлениях. Первое – это школа искусств. Второе – детдом. Другого у нас просто нет.

Егор скривился.

– Да тут всё сходится. Все детдомовские как раз туда и идут учиться. У нас в городе других вариантов особо нет для творческих личностей.

Каплин кивнул.

– Зато становится понятно, почему скульптура. Убийца по-любому учился в этой школе, хоть из детдомовских, хоть из студентов. У нас, по вашим словам, половина города училась там.

В этот момент Лена встала, подошла к кофеварке, налила себе кружку. Помедлила секунду и, не оборачиваясь, спросила:

– Олег, будешь?

– Буду. Спасибо!

Она налила вторую кружку и поставила на его стол. Егор поднял глаза от монитора.

– А мне?

Лена даже не повернулась.

– Сам нальёшь себе.

– Вот так всегда, – пробурчал он, вставая.

– Есть ещё один момент, – сказала Лена, открывая на своём компьютере скриншоты.

– В соцсетях Лидии. У неё на стене за последний год появлялись постоянные упоминания о подарках. Духи, украшения, билеты на концерты в областной центр. Она писала, что у неё есть тайный поклонник. Цитирую: «Он намного старше, умный, такой... солидный. И он стесняется появляться со мной на людях, говорит, что сплетни начнутся». Имя ни разу не назвала.

Коромыслов свистнул.

– Да тут у нас, оказывается, драма Шекспира назревает.

Каплин медленно отпил кофе.

– Думаешь, любовник?

– Почему нет. Классика. Мужчина с положением. Может, женатый. А если жена узнала – мотив налицо. Ревность, месть.

Егор пожал плечами.

– В теории да. Особенно если он из приличных. В нашем городе редко такие истории происходят, но как вариант...

Каплин поставил кружку.

– Месть... – произнёс он задумчиво. – Если бы мстила разъярённая жена или обманутый муж, тело вряд ли оказалось бы привязанным к дереву в позе Микеланджело. Там был бы максимум удар тупым предметом в состоянии эффекта и побег. Или, на худой конец, попытка инсценировки. Но не такая... театральная постановка. Это не бытовая страсть. Это что-то другое.

Лена молчала пару секунд, глядя в экран с застывшим силуэтом машины.

– Всё равно проверять надо, – сказала она наконец. – Даже если не наш тип, мы не имеем права игнорировать.

– Конечно, – согласился Каплин. – Проверяем всё. Но основной упор – на искусство. Кто там преподаёт, кто из студентов фанатеет по скульптурам, кто ездит на машине или у кого есть права. Проверяем всех.

Егор усмехнулся:

– То есть ищем интеллигентного психа с медицинским уклоном, у которого есть темный седан.

– Именно, – тихо ответил Каплин. – И судя по тому, как он преподнес нам тело, это не последнее его убийство, будут ещё. Будем надеяться, что если будут следующие трупы, то убийца ошибется и оставит хоть какие-то зацепки нам.

Когда Каплин закончил, в кабинете повисла тишина.

Егор перевёл взгляд на Лену, будто всё ещё ожидал какого-то формального подтверждения. Та ничего не сказала, лишь едва заметно кивнула. Почти механически, как ставят галочку в голове.

– Понял, – тихо сказал Егор и уже тянулся за курткой.

Олег резко поднял руки, словно испугался, что переборщил.

– Извините, привычка! Елена, говорите.

Лена спокойно наклонила голову.

– Ничего страшного, Олег. У тебя опыта больше в этих делах, наверное, там, в столице, сталкивались с маньяками. У нас тут в основном одна бытовуха.

Лена закрыла ноутбук, отставила кружку с остывающим кофе.

– Если к вечеру ничего не всплывёт, нам Агроном вставит по первое число.

Каплин посмотрел на экран с застывшим силуэтом машины.

– Кто? Агроном? Почему?

– У нашего Тулайкина в родне был известный агроном, вот так к нему это и прилипло. Только при нем не говори...

– Ясно. Не скажу, – медленно ответил Каплин, – но мне кажется, мы что-нибудь нароем.

Егор скрестил руки на груди, посмотрел на Лену и потом на мониторы, кивнул.

– Тогда вперёд.

Он быстро поднялся, схватил папку с документами и направился в детдом. Лена осталась за компьютером, просматривая файлы, соцсети и фотографии, отмечая все упоминания о подарках и странных поклонниках.

Кабинет наполнился щелчками мышей и тихим гудением техники – работа закипела.

Глава 7

Телефон зазвенел резко, будто выстрел в тесном кабинете. Лена, склонившаяся над монитором, даже не сразу поняла, что это её мобильный. Экран мигал номером дежурной части.

– Коркина, – коротко бросила она.

Голос дежурного был взволнованным, с хрипотцой:

– Товарищ капитан, это Понамарёв. Тут... На стадионе, при школе номер три... Труп. Обнажённая девушка. Нашли спортсмены, пришли на утреннюю тренировку. «Скорая» констатировала смерть, ППС уже на месте.

Лена выпрямилась. В кабинете сразу стало тесно, воздух сгустился.

– Оцепление выставили? К телу никого не подпускать. Ясно?

Пауза. Дежурный виновато охнул:

– Да.

Лена сбросила звонок, несколько секунд молча смотрела куда-то мимо монитора.

– Вторая, – сказала она глухо.

Егор, зависший у доски с распечатанными фото Лидии, дёрнулся:

– Где?

– Стадион при третьей школе. Обнажённая девушка, нашли утром. Всё очень похоже.

Каплин уже встал, беря куртку.

– Едем, – сказал он. – Лена со мной, а Егор Спиридонова заберет.

– Егор слышал? – Лена уже нажимала кнопку выключения на мониторе.

– Слышал, – ответил Егор, хватая куртку. – Лена, один вопрос. А кто тут главный? Ты или этот москвич?

– Перестань, – бросила Лена. – Поехали.

Олег сделал вид, что не слышал слов Коромыслова. Егор не забрал криминалиста, оказалось, он был на вызове неподалеку и уже выехал на новое место преступления.

Школьный стадион встретил их влажным воздухом и низким, почти свинцовым небом. Ржавые футбольные ворота, потрескавшаяся резина беговых дорожек, пластиковые сиденья на низкой трибуне – всё как в сотнях таких мест по всей стране. Только здесь, вдоль металлического забора, толпились люди: спортсмены, тренер, случайные прохожие. Многие держали телефоны в руках.

Темно-серый «Форд Фокус» Каплина вырулил на грунтовку почти одновременно со служебной «Ладой», за рулём которой был Егор. Колёса подняли пыль. Несколько подростков отскочили, кто-то зло выругался.

Егор тормознул у открытых ворот стадиона, почти выпрыгнул на ходу из машины. Каплин припарковался чуть в стороне, на обочине, заглушил двигатель и на секунду задержался, оглядывая пространство. Лена шла впереди.

Ограждение стадиона было открыто – широкие железные ворота для заезда техники распихнуты настежь. Никаких цепей, никаких замков. За воротами сразу начиналась грунтовка, уходящая вдоль трибун.

– Проезд был свободен, – вполголоса отметил он сам про себя, догоняя Лену. – Любой желающий может заехать.

– Я вижу, – коротко ответила она, почти не оборачиваясь.

У входа на поле стоял сержант Пискунов – молодой, вытянутый, как тонкий шест. Лицо белое, в руках вжатая фуражка.

– Товарищ капитан! – рванулся он к Лене.

– Молчать, – отрезала она. – Где тело?

Он кивнул в сторону футбольного поля, туда, где уже маячили «скорая» и белая «Гранта» криминалистов. На беговой дорожке суетились люди в форме.

Они двинулись вперёд. Под ногами мокрая резина чуть пружинила. На траве у края поля виднелась крупная, застоявшаяся лужа, оставшаяся после последних дождей. В ней, как в тусклом зеркале, отражалось серое небо.

Девушка лежала прямо в этой воде. Обнажённая, вытянутая почти по диагонали лужи. Длинные светлые волосы расплылись веером по поверхности, как водоросли, спутались с редкими травинками. Лицо повернуто кверху, к небу, глаза чуть приоткрыты, губы полуоткрыты. Одна рука вытянута вдоль тела, другая отведена в сторону и слегка согнута в локте, ладонь тонкими пальцами касалась кромки травы. Вода вокруг была спокойной, с редкими рябями от ветра.

– Где-то я уже это видел, – тихо выдохнул Егор, подбегая и останавливаясь рядом с Каплиным. – Но не помню где.

Лена мельком бросила на него взгляд.

На кромке лужи, на одном колене, склонился Спиридонов. В перчатках, с лупой и фонариком, он методично осматривал кожу девушки. Его чемодан с инструментами стоял рядом, раскрытый, аккуратно разложенный.

– Олег Степанович, – позвала Лена. – Что у нас?

Он поднял глаза, кивнул:

– У нас – вторая жертва. Молодая девушка и опять без одежды. Опять аккуратненько сделано. Профи постарался, – без особой иронии произнёс он, возвращаясь взглядом к телу. – Внешних видимых повреждений нет. Ни ссадин, ни ушибов, ни следов борьбы. Кожа чистая. На лице – никаких следов удара или удушения. Лужа неглубокая, – он чуть шевельнул локоть девушки, – тут взрослый человек на боку лежать может и не захлебнуться. Так что утопление под вопросом, но точно скажу только после вскрытия.

– Время смерти? – уточнил Каплин.

– Приблизительно три-четыре часа назад, – ответил Спиридонов. – Тело уже остыло, трупные пятна только начали фиксироваться, окоченение начальное. С учётом температуры воздуха и воды – это примерно период между тремя и пятью утра. Но окончательно скажу потом.

– Следы перетаскивания, волочения? – спросила Лена.

– Ничего очевидного. Вода сглаживает многое, да и тут всё уже истоптано, – он кивнул на хаос следов по краю поля. – Спортсмены, медики, ваши патрульные... Весёлый балаган устроили.

Лена скрипнула зубами.

– Одежда? Сумка? Что-нибудь?

– Вот это самое интересное, – Спиридонов мотнул головой в сторону пустой кромки поля. – Ничего. В радиусе двадцати метров ни одной вещи. Ни трусиков, ни кроссовок, ни украшений. Всё, что было на ней или с ней, – либо сняли в другом месте, либо аккуратно забрали с собой. В отличие от первой жертвы, тут нам не оставили даже «натюрморта» в виде стопки одежды.

Каплин смотрел на девушку, на позу, на распущенные волосы в воде, потом – на обводы лужи, на трибуну, на беговые дорожки.

– Та же театральность, – сказал он спокойно. – Обнажённое тело, отсутствие следов борьбы, поза из произведения искусства. В прошлый раз – скульптура, теперь что? Живопись? Похоже на продолжение серии. Повторение почерка с вариациями.

– И снова без отпечатков, – буркнул Спиридонов, словно заранее. – Верёвок нет, привязей нет, но я уверен, что на теле мы ничего лишнего не найдём. Работали в перчатках. Очень аккуратно. Время было. Паники – никакой.

За их спинами донёлся гул голосов. Кто-то в толпе опять поднял руку с телефоном.

Лена развернулась к Пискунову:

– Сержант! Ко мне!

Тот подбежал почти бегом.

– С этого момента – никого ближе десяти метров к забору, – отчеканила Лена. – Всех с телефонами – отгонять, чтобы ничего не ушло в сеть. Фиксируй тех, кто уже снимал. Фамилия, имя, телефон. Записи потом будем искать через них. Если хоть один ролик всплывёт и я узнаю, что ты тут прохлаждался – будешь потом ночами эти ролики мониторить. Понял?

– Понял, товарищ капитан! – Пискунов сглотнул и помчался к толпе, маша руками и уже командуя.

– Егор, – Лена повернулась к Коромыслову. – Обходишь весь периметр. Нужны камеры. Любые. Магазины, подъезды, школьные, частные, банкоматы – всё, что могло хоть как-то зацепить машину или человека, входящего и выходящего со стадиона.

– Понял, – кивнул Егор. – Начну с «Продуктов» на углу. Там точно есть камера, я неподалеку живу тут и часто бываю в том магазине.

Он поправил куртку и быстрым шагом направился к выходу, перешел через дорогу, к низкому зданию магазина с облупившейся вывеской.

– Олег, – тихо сказала Лена, когда они с Каплиным остались рядом с телом и Спиридоновым. – Осмотрись по периметру стадиона. Меня интересует, как сюда могли завезти тело. Проезды, парковки, тёмные углы. Всё. Я пока поговорю с теми, кто нашёл.

– Понял, – кивнул Каплин.

Он отошёл от лужи, не сводя взгляда с окружающего пространства. Школьный стадион был окружён низкой металлической сеткой. С одной стороны была сама школа, с другой – ряд серых пятиэтажек, с третьей – асфальтированная улица с редкими машинами. Открытые ворота зияли широким проездом. Никаких шлагбаумов, никаких бетонных блоков.

Каплин вышел за ограждение и пошёл вдоль сетки. На асфальте перед воротами были неясные следы шин – расплывчатые разводы, не различимые из-за влажности. Слишком много машин здесь ездили и раньше, слишком много следов наслаивалось.

Он дошёл до конца забора: там сетка соединялась с кирпичной стеной школьного корпуса. Никаких калиток, никаких дыр. С другой стороны – тот же голый металл. Кроме главных ворот – въезда не было.

– Значит, если он привез тело, – пробормотал Каплин себе под нос, – он заезжал через главный вход. Других подъездов нет.

Он перевёл взгляд через дорогу. Рядом с магазином «Продукты» действительно торчала под козырьком чёрная камера – маленький глазок с проводом, уходящим внутрь. Егор как раз входил в магазин, придерживая дверь плечом.

Каплин обвёл взглядом дома: на углу девятиэтажки – ещё одна камера, как будто направленная на двор и кусок улицы. Он мысленно «связал» сектора обзора: что-то из этого могло захватить и ночной стадион, и въезд.

Вернувшись на поле, он увидел, как Лена уже разговаривает с двумя парнями в спортивных костюмах – один худой, длинноногий, второй коренастый. Их лица были серыми. Где-то чуть поодаль топтались ещё двое, в куртках, явно из их же компании.

– ...пришли к восьми тридцати, как обычно, – бубнил худой, глядя в землю. – Размяться хотели. Мы по кругу пошли, а Макс... – он кивнул на коренастого, – ...к воротам побежал. Кричит: «Смотрите!» Ну мы... посмотрели. Она уже так лежала. Мы думали сначала манекен какой-то. Потом ближе подошли... И...

Парень замолчал, взгляд его поплыл.

– Снимать кто начал? – ровно спросила Лена. – Вы?

Коренастый, сжав губы, кивнул:

– Я. На телефон. Я сразу в сторис кинул. Ну... типа приколы, что ли... А потом... увидел, что она не шевелится...

– Телефон сюда, – сказала Лена спокойно, протягивая ладонь. – Разблокировал, показал.

Парень послушно протянул смартфон. Её лицо не менялось, когда она быстро открыла галерею, нашла свежие видео. Снято неровно, с криками, смехом, матом. Девушка в луже казалась то ближе, то дальше, но общая поза и картинка были видны достаточно чётко.

– Это видео ты уже куда-то выложил? – всё так же ровно спросила она.

– Ну да... в Тик-Ток и Вк, – выдавил Макс. – Я удалил, как только понял, что это труп, но он разлетелся.

– Это понятно, – хмыкнула Лена. – Интернет помнит всё. Но это уже наши проблемы.

Она вернула телефон.

– Контакты ваши Пискунов возьмёт. Никуда не уезжать, на звонки отвечать. Поняли?

– Поняли, – вяло кивнули парни.

Лена вернулась к телу, остановилась рядом с Каплиным.

– Театральность растёт, – согласился Каплин. – Первая «экспозиция» была в тихом парке, на грани заметности. Вторая – на школьном стадионе, где он почти гарантированно получит зрителей и ролики в интернете.

Глава 8

Спиридонов поднялся с колена, осторожно выпрямляясь.

– Всё, что можно было, я тут посмотрел, – сказал он. – Остальное – в морге, – закончил Спиридонов. – Предварительно: та же история, что и с первой. Внешних признаков насилия нет. По всем ощущениям – фармакология. Инъекцию буду искать позже, но, Лен, – он посмотрел прямо на неё, – готов спорить, что это снова нервно-мышечный блокатор. Тот же или из той же оперы. Чистый паралич, никакой борьбы, никакого шума.

– Возраст примерно тот же? – спросил Каплин.

– Визуально – да, – кивнул криминалист. – Двадцать, плюс-минус. Документов при ней нет, украшений тоже. Уши целые, дырки есть, но серёжек нет. Ничего, по чему можно зацепиться, всё снято или не надето вовсе. Личность – это ваша забота.

– Понял, – сказала Лена. – Как только будут первые данные по токсикологии и вскрытию – сразу мне.

– Как обычно, – кивнул Спиридонов. – Сообщу лично, как только Звягинцев рот откроет.

Он махнул санитару, стоящему у носилок. Те аккуратно подкатили их ближе. Девушку бережно переложили из лужи на плотную ткань, накрыли простынёй. Белый силуэт на фоне серой травы выглядел ещё более неестественным.

Каплин смотрел, как тело увозят к машине. Вода в луже ещё несколько секунд дрожала, будто не желая отпускать свою Офелию, потом поверхность снова стала гладкой.

– Поехали, – тихо сказала Лена. – В отдел. Егор уже, надеюсь, к тому времени нарочет нам хоть парочку камер.

Егор появился в кабинете ближе к шести вечера, взъерошенный, с надорванной папкой и помятой рубашкой. Бросил на стол Лены список, исписанный от руки мелким почерком.

– Вот, – выдохнул он, плюхаясь на стул. – Периметр стадиона и всё вокруг, как ты просила. Камеры... есть. Но не всё так просто.

Лена сидела за своим столом, перед ней – две стопки: «Первая жертва» и «Вторая жертва», разделённые листом бумаги. Каплин, у окна, медленно листал протоколы по Лидии Соколовой, делая пометки карандашом.

– Докладывай, – сказала Лена.

– Магазин «Продукты» на углу, – начал Егор, загибая пальцы. – Камера висит, смотрит на крыльцо и кусок дороги. Запись есть, но продавщица сказала: без официального запроса – ни хрена. Мол, «мне потом с хозяином разбираться». Я удостоверение показал, объяснил, но бесполезно. «Надо запрос делать».

Он скривился.

– Дальше. Дом напротив школы. Там ТСЖ поставило две камеры: одна во двор, другая на угол дома – как раз кусок улицы и половину школьного забора захватывает. Там председателя такая... – он покрутил пальцем у виска, – но видео, говорит, хранится на их регистраторе в подвале. Ключ есть только у неё и у сантехника. Сантехник на смене, она одна, свято верит, что без бумажки мы все тут «самозванцы». Тоже запрос нужен. Я адрес, телефон записал.

Он ткнул пальцем в список.

– Ещё один банкомат «Колхозбанка» в пятидесяти метрах от стадиона. Камера банкомата частично захватывает въезд на территорию школы. Но там вообще стенка: «Пишите официальный запрос в головной офис, мы тут ни при чём». Короче, везде уперлись в бюрократию. Пока у нас только список точек, откуда потенциально можно что-то вытащить. Реальных записей – ноль.

– Ничего удивительного, – тихо сказал Каплин, не поднимая глаз от бумаги. – Это ещё хороший результат для одного дня. Главное – что точки есть. Бумаги мы оформим.

Лена взяла список, пробежала глазами.

– Завтра с утра я зайду к Агроном... – поправилась, – к Андрею Анатольевичу. Пусть подпишет пакет запросов разом. Иначе будем по каждому магазину отдельно бегать до пенсии.

Она отложила листок в сторону, к специально подготовленной папке с пометкой «Запросы».

– По личности второй жертвы что-то? – спросила она.

Егор покачал головой:

– Пока нет. Участковые ходят по ближайшим домам, спрашивают, кто пропал, но это долгая песня. Список заявлений о пропавших за последние трое суток я запросил у дежурки, но там всё классика: алкаши не вернулись, подростки домой не ночевали. Никто под описание «девушка двадцати лет, блондинка» пока не подходит. Придётся ждать, пока кто-то хватится.

В кабинете повисла тишина, наполнившись лишь гудением системного блока и редкими щелчками мыши.

Лена откинулась на спинку стула, сложила руки на груди.

– Итак, – произнесла она, глядя то на Каплина, то на Егора. – Что у нас есть к этому вечеру?

– Две жертвы, – перечислял Каплин спокойным, чуть хриплым голосом. – Обе молодые девушки, примерно двадцать лет. Обе – голые. Внешних следов борьбы и насилия нет. В обоих случаях криминалист предполагает одну и ту же фармакологию – нервно-мышечный блокатор. В первом случае – сукцинилхолин, подтверждённый вскрытием. Во втором...

Он переложил листы из одной стопки в другую, как будто выстраивал невидимую схему.

– В обоих случаях – позы, явно заимствованные из искусства. Микеланджело, «Умиряющий раб», теперь что-то другое, нужно выяснять. В обоих случаях выбраны места, где тело обязательно найдут: парк у пруда, школьный стадион. И в обоих случаях отсутствие следов суеты, спешки. Всё сделано аккуратно, спокойно. Убийца не боится, что его заметят.

– Но есть и различия, – встала Лена. – В первом случае была аккуратно сложенная одежда рядом. Телефон жертвы, разблокированный отпечатком. Во втором – никакой одежды вообще. Ни сумки, ни телефона, ничего. Он будто сознательно убрал любую ниточку, которая могла бы вывести нас на личность.

– Значит, – продолжил Каплин, – он уже корректирует сценарий. Делает выводы. Либо одежда в первом случае была частью его «композиции», или ошибка, которую он решил исправить.

Егор усмехнулся безрадостно:

– Я когда поеду домой, заскочу в школу искусства. Узнаю что-нибудь по телу. Может, подскажут.

Лена постучала ручкой по столу, задумчиво.

– Места, – сказала она. – Меня сейчас больше всего достают именно места. Почему именно там?

Егор пожал плечами:

– Парк у пруда – логично. Утро, бегуны, собачники, романтики. Тело в любом случае найдут.

– А стадион? – подняла на него глаза Лена. – Почему не пустырь за городом, не лесополоса, не заброшка? Почему школьный стадион? Зачем ему нужно, чтобы находили тела?

– Он хочет, чтобы их нашли, – вмешался Каплин. – В обоих местах бывает много народу, много свидетелей. Он хочет что-то рассказать нам. Он хочет, чтобы его «работы» увидели. Не просто нашли где-то, а именно увидели. Желательно как можно больше людей, как можно быстрее.

Егор кивнул:

– Утром вся лента была забита этими роликами. Дежурный сказал, ему даже племянница из соседнего района прислала: «Это у вас там?». Удалить одно-два – можно, но интернет уже всё разнёс.

Лена сжала губы.

– Значит, для него важно именно это: публичность, – произнесла она. – Завтра нам вставят по первое число. Агроном будет не доволен этой публичностью.

Она перевела взгляд на окно. За стеклом серело небо, редкие прохожие спешили по своим делам, не подозревая, что в этом городе уже два дня как орудует человек, превращающий смерть в инсталляции.

– Но почему именно эти места? – повторила она. – Парк, стадион. Они для него что-то значат? Или он просто выбирает места, где максимальный визуальный эффект?

Каплин задумчиво провёл пальцем по краю стола.

– Возможно, и то, и другое, – сказал он. – Парк это классическое место для прогулок, свиданий. Стадион – место массовых сборов молодёжи, спорта. И то, и другое – социально «чистые» пространства. Без криминальной окраски. Он не тащит девушек в подвал, не прячет их в подворотнях. Он демонстративно выносит смерть в центр условно «здоровых» мест. Как будто хочет что-то этим сказать, – закончил Каплин. – Показать контраст. Жизнь – и его «композиция» посреди неё.

Егор потёр шею, шумно выдохнул:

– Ладно. Сидеть и гадать можно до посинения. Надо дальше копать по-старому. Поехал, заскочу в колледж искусств ещё раз. С директором толком поговорить, по преподавателям пройтись. Кто у них по скульптуре, кто по живописи, кто фанатеет по Микеланджело. И студентов тоже пробую, особенно старшекурсников.

Лена кивнула:

– Правильно.

Егор сунул папку под мышку, взял с края стола список по колледжу.

– Я поеду, – сказал он, бросив быстрый взгляд на часы. – А то Лариска меня сегодня уже похоронит морально. Завтра с утра отчитаюсь.

– Езжай, – коротко ответила Лена. – Только будь на связи.

Дверь за Егором хлопнула. Кабинет сразу опустел, простор между двумя столами вдруг стал заметнее. За окном сгущались ранние сумерки; город тонул в сером, вязком свете.

Каплин дописал строчку в своём блокноте, закрыл папку и аккуратно положил её на край стола. Несколько секунд он молча смотрел на экран, где всё ещё были открыты фотографии с места второго преступления, потом перевёл взгляд на Лену.

Лена сидела, опустив плечи чуть ниже обычного, но лицо оставалось собранным. На столе остывал забытый кофе.

Олег поднялся.

– Лена, – сказал он спокойным, почти будничным тоном. – Ты на машине сегодня?

– Нет, – она машинально потянулась к мышке, закрывая окна на мониторе. – Пешком собиралась... или на автобусе. Честно говоря, ещё не решила.

Он на секунду задумался, потом кивнул:

– Я всё равно через полгорода в свою берлогу еду. Подвезу тебя. Новая жертва... Не самое лучшее время торчать на остановке.

Она чуть дёрнула уголком губ.

– Ты же в другую сторону живёшь, – возразила коллега без особого нажима. – На окраину.

– Город маленький, – пожал плечами Каплин. – Кружок лишний – не проблема. Да и... – он на мгновение встретился с ней взглядом, – честно говоря, мне самому сейчас не очень хочется после такой смены ехать в одиночестве и думать об этом всём.

Лена несколько секунд молча смотрела на него, взвешивая то ли аргументы, то ли что-то ещё. Потом кивнула:

– Ладно. Подвезёшь. Только сначала я в дежурку забегу, распишусь в журнале и ребятам пару слов скажу.

– Буду ждать у машины, – ответил он. – Колеса проверю. Спускают чего-то.

Она потянулась за сумкой, выключила монитор, на автомате проверила, заперт ли сейф.

– Через пять минут буду внизу, – сказала Лена, вставая. – А кот тебя не потеряет?

– Маркиз? Нет, он понимающий, – сухо отозвался Каплин. – Он вообще за любую движуху, кроме смены корма и голодовки.

Лена чуть заметно фыркнула и вышла в коридор. Олег задержался на секунду, окинул взглядом две стопки на столе – «Первая жертва», «Вторая жертва», – потом взял свою куртку, папку и направился к выходу, уже мысленно прокладывая маршрут: сначала – дом Лены, потом – пустая, холодная служебная квартира, фотографии на столе и недовольный кот.

Вечер над Заречьем стекал в ночь, и где-то в этом тихом городе кто-то, возможно, уже продумывал следующую «картину».

Глава 9

Во дворе было темно, но не совсем: редкие фонари отбрасывали жёлтые пятна света на потрескавшийся асфальт. Дом Лены находился чуть ближе к центру, чем служебная пятиэтажка Каплина: аккуратная девятиэтажка с недавним косметическим ремонтом фасада и новым домофоном у входа.

«Форд» остановился у подъезда. Мотор ещё какое-то время тихо урчал, потом заглох. Лена отстегнула ремень, взяла сумку.

– Спасибо, – сказала она, открывая дверь. – Домой?

– Домой, – кивнул Каплин. – А разве у вас еще можно куда сходить в это время?

– А ты любишь ночью погулять, значит, – выходя, отозвалась она. – Тогда тебе лучше Егора об этом спросить. Это он у нас ходок по ночным заведениям.

– Ясно, но я так спросил, – улыбнулся Олег.

Дверь хлопнула. Лена быстрым шагом подошла к подъезду, набрала код на домофоне и скрылась в тёмном проёме.

Олег пару секунд сидел, глядя на пустое место, где только что стояла она. Потом вдруг с досадой выругался себе под нос, вышел из машины и пнул переднее колесо носком ботинка. Не сильно, скорее, по привычке.

Тишина во дворе отозвалась глухим звуком. В этот момент из подъезда донеслась ругань – сначала приглушённая, потом громче:

– Я сказал – отстань! – мужской, молодой голос сорвался на крик.

– Ты куда собрался в такое время?! – это уже Лена, тем же командным тоном, только более резким.

Дверь подъезда распахнулась, и на улицу выскочил худощавый подросток лет пятнадцати в чёрной толстовке с капюшоном и кроссовках. Лицо покраснелось, глаза злые. На секунду он замер, увидев во дворе чужую машину и незнакомого мужика рядом с ней, но тут же дёрнул плечом и рванул к тропинке между домами.

– Димка! Стой! – почти сразу же из подъезда выскочила Лена. – Ты куда?

– Гулять, мам! – не останавливаясь, огрызнулся пацан.

– Время видишь? – она шагнула вперёд, но не побежала, а лишь повысила голос. – Полнодвенадцатого ночи! Какая, к чёрту, прогулка?!

– Нормальная! – он даже не обернулся. – Я что, маленький, чтобы по часам ходить?

– Пока живёшь в моей квартире – будешь ходить, как я сказала! – голос Лены стал твёрже.

– Твоя квартира – твои правила, да? – бросил он через плечо. – А я как хочу, так и... живу!

Он резко прибавил шаг и почти бегом скрылся за углом дома. Было слышно, как стучат по асфальту его кроссовки, потом звук растворился в ночи.

Лена стояла у подъезда, сжав кулаки. Лицо у неё было уставшее и злое.

Потом она заметила Каплина. На секунду в её глазах мелькнуло смущение, что он стал свидетелем ругани с сыном.

– Воспитательный процесс, – коротко сказала она почти извиняющимся тоном. – Сын. Переходный возраст. Ему, видите ли, приспичило гулять в такое время. Еще этот маньяк...

– Слышал, – спокойно ответил Каплин. – Он просто хочет быть взрослым. Это нормально в его возрасте, а маньяк только на девушек охотится...

Она хмыкнула, немного успокоившись.

– Ага, мы еще не знаем, что у него на уме, – заметила Лена. – Может, другую скульптуру найдет...

Пауза повисла сама собой. Лена опустила взгляд, потом снова посмотрела на Олега, чуть прищурившись, словно быстро что-то решала.

– Олег, – ровно сказала она. – Ты ужинал?

– Нет, но в холодильнике пиво есть, – так же спокойно ответил он. – Это можно считать ужином?

– Нет, – отрезала она. – Тогда... если кот не против... можешь подняться. Картошка с колбасой осталась со вчерашнего дня, я разогрею. Поешь по-человечески, а то так и будешь голодный ходить.

Он немного помедлил, оценивая, не было ли это приглашением «из вежливости».

Подъезд оказался чистым, без характерного для старых домов запаха сырости. Стены были выкрашены свежей бежево-серой краской, почтовые ящики стояли аккуратно, лампочка под потолком горела ровным светом. Лифта не было, но лестницу отремонтировали, а перила покрасили.

Поднимаясь по лестнице, Каплин невольно отметил контраст с его служебной пятиэтажкой: там стены были в пятнах, а здесь – почти как в новостройке. «Почти» – потому что всё равно чувствовалась провинция: старые двери, коврики, искусственные цветы в горшочках у некоторых квартир.

Лена не спеша открыла дверь. Она первой вошла в квартиру и отошла в сторону:

– Проходи.

Олег переступил порог и на секунду остановился.

Квартира не была похожа на типичное жильё капитана из районного отдела внутренних дел. Просторная прихожая с большим зеркалом от пола до потолка в простой чёрной раме. На полу светлый ламинат. Вешалка – не стандартный крючок, а металлическая стойка, на которой аккуратно висели две куртки Лены на одинаковых плечиках. Сбоку – небольшой закрытый шкаф для обуви, никаких груд грязных ботинок.

Гостиная начиналась сразу за прихожей – без дверей, с широким проёмом. Внутри было ещё неожиданнее. Светлые стены, без обоев, просто покрашенные. Большой тёмно-серый диван, явно недешёвый, с ровной обивкой и аккуратными подушками. Низкий журнальный столик из тёмного дерева, на нём – стопка журналов, пульт от телевизора и ни одной случайной вещи. На стене – плазменная панель, не самая новая, но явно не из бюджетных. По бокам стояли узкие стеллажи, на которых аккуратно расставлены книги, и несколько совсем не провинциальных чёрно-белых фотографий в рамках: виды городов, мост в тумане, силуэт дерева.

Из-под двери в соседнюю комнату виднелась полоска тёмного ковра. Где-то там, видимо, была территория Димки – подростка, который только что убежал гулять.

Кухня оказалась неожиданно большой – вытянутой, с окном во двор. Белый глянец шкафов, чёрная столешница, встроенная плита, духовой шкаф, нормальная вытяжка. Холодильник был высокий, двухкамерный, с магнитами из разных городов на дверце. На подоконнике стояло несколько горшков с живой зеленью, не пластиковой.

– Неплохо живёте, капитан, – спокойно сказал Каплин, проходя на кухню и задерживая взгляд на мебели.

Лена слегка дёрнула плечом то ли от его интонации, то ли от того, что он это заметил.

– Квартира осталась от мужа, – так же спокойно ответила она, открывая холодильник. – Бывшего. Он многое делал сам. Потом я кое-что докупила, но основу – он. Руки у него были... золотые. Жаль, что голова – нет.

Она достала из холодильника стеклянную миску, накрытую тарелкой. В миске виднелись крупные ломтики картофеля с поджаренной корочкой и кружочки колбасы, уже немного побледневшие после ночи в холодильнике.

– Садись, – кивнула Лена на маленький квадратный столик у окна. На столе лежала чистая светлая скатерть, стояли две тарелки, вилки, соль и перец. – Сейчас разогрею.

– Помочь? – по инерции спросил Каплин.

– Не надо, – отрезала она. – Ты гость. Сиди.

Она высыпала картошку с колбасой на большую сковороду и щёлкнула выключателем – газ мягко зашипел. Бросив быстрый взгляд на холодильник, она достала банку солёных огурцов, открыла её и выложила на тарелку несколько штук. С другой полки она достала половину батона и быстро, уверенно нарезала хлеб.

Запах жареной картошки, смешанный с ароматом копчёной колбасы, быстро наполнил кухню, перебивая все остальные запахи. Вытяжка глухо гудела, окно было приоткрыто, но всё равно было уютно, по-домашнему.

Каплин сел за стол, облокотился на него, не прикасаясь к приборам. Его взгляд на секунду остановился на магнитах на холодильнике: Москва, Питер, Сочи, Казань. Пара иностранных – Прага, Стамбул.

– Путешествуешь? – спросил он, когда Лена, помешивающая что-то на сковороде, на секунду замерла.

– Раньше – да, – коротко ответила она. – Пока Димка маленький был. Сейчас – только до областного центра и обратно.

Она выключила плиту, разложила картошку по двум тарелкам, добавила к каждой по паре ломтиков огурца, поставила одну тарелку перед ним, а другую – перед собой. Села напротив, положила вилку справа.

– Ешь, – просто сказала она. – Не стесняйся.

Он взял вилку и попробовал. Картошка была простая, но вкусная: поджаренная, в меру солёная, с хрустящей корочкой. Колбаса – обычная варёная, но обжаренная до лёгкой золотистой корочки, что делало её почти деликатесом после светлого пива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.